

ИРИНА МОНАХОВА

## БЕЛИНСКИЙ И ГОГОЛЬ

### ШТРИХИ К ДВОЙНОМУ ПОРТРЕТУ

Среди современников В. Г. Белинского, с которыми он больше или меньше общался, особое место занимает Н. В. Гоголь. Хотя их знакомство близким не назовешь: они встречались всего несколько раз в жизни, и переписка их невелика (по два отправленных письма со стороны каждого и одно неотправленное письмо Гоголя Белинскому), но это лишь внешняя часть такого феномена в истории русской культуры, как отношения Гоголя и Белинского — только “надводная часть айсберга”. Как две крупные планеты, они вряд ли могли быть близки друг другу в обыденной жизни — дружить, часто встречаться и постоянно и откровенно переписываться, что называется, “быть накоротке”. (Такого у Гоголя даже и с Пушкиным не было, несмотря на хрестоматийное представление об их отношениях как о дружбе.)

Их разделяли и такие важные обстоятельства, как многолетняя жизнь Гоголя за границей, и то, что деятельность Белинского, помимо литературно-критической составляющей, имела и определенную общественную направленность. Сотрудничая в журналах, он вел порой весьма бурную полемику со славянофилами. У Гоголя же среди них было немало друзей. Правда, он стремился находиться в стороне от противостояния между западниками и славянофилами, не примыкая ни к какому “лагерю” и оставаясь самим собой.

Но, несмотря на все разделяющие обстоятельства, было между этими двумя личностями, этими двумя великими деятелями русской культуры какое-то глубинное внутреннее сходство (в чертах характера, свойствах души), которое определило их взаимосвязь на более глубоком уровне, чем если бы это были внешние приятельские отношения, выражающиеся в большом количестве личных встреч и писем. В итоге эта глубинная взаимосвязь нашла и внешнее выражение, но особенное, значительное выражение. Гоголь и Белинский — эти имена как-то особенно слиты, нераздельно соединены в истории русской культуры. Конечно, прежде всего, благодаря “письму Белинского к Гоголю”. Такое название (уже давно ставшее всенародно известным) получило письмо, написанное Виссарионом Григорьевичем в июле 1847 года в Зальцбрунне. Это, наверное, самое известное частное письмо вообще в истории русской культуры. Не только гениальный талант его автора и личность адресата стали тому причиной, но сыграла тут важную роль и особенная взаимосвязь их судеб. Не случайно Белинский начал свое послание не с формально-почтительных приветствий, а со страстного признания, которое задало тон всему письму: “Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженно*го человека: этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния,

в какое привело меня чтение вашей книги. (...) Да, я любил вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развигия, прогресса”.

Белинский стал, наверное, самым чутким и наиболее глубоко понимающим читателем и критиком художественных произведений Гоголя. Именно Белинский первым увидел великого художника в авторе своеобразных повестей, отличающихся малороссийским колоритом. Он увидел в Гоголе не только комика (что всем бросалось в глаза и чем понимание многих современников и ограничивалось), но и трагика. Не просто остроумного описателя быта и нравов (сочинения которого некоторые критики называли “сальными”, “грязными” и т. д.), а настоящего поэта, “поэта жизни действительной”. То, что писал о Гоголе Белинский, — это порой не только меткие оценки, но и настоящие прозрения, когда критик как будто открывает под внешним слоем содержания, видимым многим, скрытые пласты. Уникальность его опыта осмысления творчества Гоголя — и в глубине анализа, и в его мгновенности (по историческим меркам). Гоголь вовсе не был для Белинского давно признанным классиком, как для нас сейчас. Для него гоголевское творчество было живым явлением, развивающимся у него на глазах, значение которого нужно было моментально постичь и убедительно доказать это всей читающей публике, опираясь лишь на свои понятия о прекрасном, свою интуицию и эстетический вкус.

Но самой, может быть, уникальной чертой работ Белинского, в которых идет речь о Гоголе, была способность их оказать реальное влияние на дальнейшую творческую судьбу писателя, а значит, и в целом на развитие русской литературы. Без его поддержки, по замечанию И. А. Гончарова, “и Гоголь не был бы в глазах большинства той колоссальной фигурой, в какую он, освещенный критикой Белинского, сразу стал перед публикой”. Многие современники относились к автору “Вечеров на хуторе близ Диканьки” несерьезно, в том числе и закоснелые “ценители” искусства, не готовые к восприятию новой эстетики, нового стиля, нового творческого метода, принесенного Гоголем в литературу, и, в конце концов, нового пласта жизни, “впущенного” им в изящную словесность. Поэтому постоянная “борьба за Гоголя”, которую вел Белинский, была важна и для того, чтобы оценить по достоинству его творчество, и для того, чтобы поддержать и обосновать теоретически новую эстетику, привнесенную Гоголем (ее отличали реализм, истинная народность, яркая самобытность), и для того чтобы поддержать самого Гоголя на его пути новатора. Только такой критик, как Белинский, выше всего в искусстве ставивший вдохновение гения, которое ему дается свыше, и сотворенные (“рожденные”) в результате такого вдохновения произведения, мог дать такую мощную, окрыляющую поддержку художнику, столь необходимую для новых свершений. (Ведь, например, свою первую книгу “Ганц Кюхельgarten”, получившую отрицательный отзыв критики, Гоголь уничтожил — сжег почти весь ее тираж.)

Впрочем, эти особенности творчества Белинского общеизвестны. Но интересен и другой аспект темы “Белинский и Гоголь” — соотношение самих по себе этих двух личностей, что не могло не сказаться на их общении — личном и творческом. При некоторых существенных различиях между ними, в их характерах и обстоятельствах жизни есть основательный пласт сходства, близких, родственных моментов — внешних и внутренних, о чем могут поведать и их письма, и воспоминания современников о них.

Они были почти ровесниками: Белинский родился в 1811 году, Гоголь — в 1809 году. Довольно близки не только даты рождения, но и смерти — соответственно 1848-й и 1852 годы. Литературная деятельность их обоих связана с первой половиной XIX века. Оба они ушли в расцвете лет: Белинский — не дожив нескольких дней до своего 37-летия, Гоголь — не дожив нескольких недель до своего 43-летия. Оба они имели слабое здоровье, которое смолodu дало о себе знать. Белинский часто болел еще в юности, что во многом было связано с нуждой, плохим жильем, скудным питанием, одеждой не по сезону. Позже это привело к чахотке. Подобно гоголевскому Башмачкину, он хорошо знал, как это ходить морозной зимой в тонкой прохудившейся шинели. 20-летний Белинский — студент Московского университета сокрушался в письме родителям: “Я весь обносился; шинелишка развалилась, и мне нечем защититься от холода, а новой никогда не дадут. (...) Мне непременно нужно запастись каким-нибудь сюртучишком и прочим, принадлежащим к нему пла-

тьем”. В таком же духе и 21-летний Гоголь, будущий автор “Шинели”, недавно поселившийся в Петербурге, жаловался матери на недостаток средств для защиты от сурового петербургского мороза: “До сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже теплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхвatal всю зиму в летней шинели”. Гоголь чувствовал слабость своего здоровья тоже еще в юности.

Жизнь и того, и другого как бы оборвалась на полуслове. Так и не создан был второй том “Мертвых душ” – таким, каким его хотел видеть автор (иначе он не сжег бы рукопись этой книги в конце жизни). Так и не был осуществлен грандиозный замысел Белинского, о котором он упоминал в статьях и письмах, – большие циклы статей о Лермонтове и Гоголе, подобные циклу статей о Пушкине. В то время, когда Белинский освободился от своей “журнальной каторги” (забиравшего огромное количество его времени и сил сотрудничества с “Отечественными записками”) и стало возможным осуществление этого плана, Виссарион Григорьевич уже был безнадежно болен – ему просто не хватило для этого времени жизни.

Было много общего и в них как в личностях, в их человеческой природе. Это, прежде всего, искренность, распахнутость. Правда, с одной существенной разницей. У Белинского это свойство проявлялось во всем: его характере, взаимоотношениях с людьми, стиле его статей. У Гоголя, который в своей частной жизни был, наоборот, довольно сдержанным и даже порой скрытным, тем не менее родственное Белинскому свойство в полной мере проявилось в его творчестве. Гоголь-художник, жадно вбирающий впечатления на своем пути и умеющий как никто до него откровенно рассказать о жизни, о человеке (в том числе на основе исследования своей души), был предельно искренним и в восприятии жизни, и в изображении ее в своих произведениях.

Еще одна, не менее яркая черта, которая была свойственна и Гоголю, и Белинскому, – самоотверженность в служении российской словесности. Возможно, это общее качество больше всего объединяло, сближало внутренне этих не близких в обыденной жизни людей. Каждый из них, по-видимому, представлял себе, что без такой самоотверженности ни тот, ни другой не могли бы достичь в своем творчестве такого уровня и стать каждый открытием: Гоголь – как “отец натуральной школы”, Белинский – как основоположник русской критики.

Гоголь в довольно юном возрасте понял, что его делом, которому он должен посвятить себя, является литературное творчество. И с годами всё больше он связывал свою жизнь с выполнением порученного ему свыше (как он считал) дела – созданием его главной книги, “Мертвых душ”. Характерны слова, сказанные Гоголем в беседе с провинциальными актерами в 1851 году: “Искусство требует всего человека. Живописец, музыкант, писатель, актер – должны вполне, безраздельно отдаваться искусству, чтобы значить в нем что-нибудь”. Его собственная жизнь вполне соответствовала этому правилу, и во многом обстоятельства жизни Гоголя определялись таким самоотверженным, рыцарским служением своему делу. Еще с довольно молодых лет он почувствовал, что готов отречься от личного, семейного счастья, будучи призванным служить искусству, и, подобно монаху, остаться навсегда в одиночестве, причем не только вдаль от семейного счастья, но и вообще от “внешней”, суетной жизни. В одном из писем 27-летний Гоголь замечал: “Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом”. Состояние души Гоголя, его настроение и даже самочувствие всецело зависели от того, насколько успешно и плодотворно идет работа над его очередным произведением. Если работа не клеилась или ее результат автора не устраивал, это повергало Гоголя в тяжелое состояние – и не только по настроению, но порой и по физическому самочувствию.

С некоторой внутренней отрешенностью от мира ради сосредоточенности на своем деле связано во многом и его одиночество в личной жизни. Он так и не создал свою семью, не женился, возможно, опасаясь, что страсть к женщине и семейные заботы будут препятствовать выполнению главной задачи его жизни. Еще в юности он осознал “опасность” таких увлечений для себя: “Это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновение. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силялся бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия, и потому-то к спасенью моему у меня есть

твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть”. И в поздний период своей жизни 40-летний Гоголь, переживающий свое несчастливое увлечение А. М. Виельгорской, брак с которой был невозможен, вполне смиренно воспринимает свою личную драму, трезво понимая, что это не его участь. В письме матери в 1849 году он констатировал: “Ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот. И в этом великая милость Божия”. Гоголь так и не обрел за всю жизнь своего угла и жил, как путник, перевоза с места на место свое имущество — чемодан с личными вещами и портфель с рукописями.

Белинский столь же самоотверженно относился к своему литературному творчеству — как к служению: “Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь”; “Я могу работать, стало быть, могу жить”. С этим его высказыванием перекинутся гоголевские признания: “Работа — моя жизнь. Не работается — не живется, хоть покуда это и не видно другим”, “Не писать для меня совершенно значило то же, что не жить”. И тот и другой воспринимали свою деятельность как нечто высшее. “Я ощущу в себе присутствие Божие, мое маленькое я исчезнет”, — говорил Белинский о моментах своего творческого вдохновения. “Быть апостолами просвещения — вот наше назначение”, — писал он в одном из писем. В том же духе говорил и Гоголь о своем творчестве — как об особом предназначении: “Ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой”, “Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом”.

Белинский, по существу своего характера, тоже был, подобно Гоголю, в мире скорее отшельник — при всей расположенности к нему его друзей, при многочисленных его связях в литературной среде. “Как попрестальнее и поглубже всмотришься в жизнь, то поймешь и монашество, и схиму”, — писал он в 1841 году. Так же, как и Гоголь, он признавал: “Всякая попытка любить для меня — ад”, “Мне заперты все пути к человеческому счастью”. Хотя Белинский, в отличие от Гоголя, женился, но произошло это лишь за несколько лет до его смерти. Причем его сущность “отшельника”, неустроенного в бытовой сфере, и тут проявилась. По-видимому, он так и не обрел в семейной жизни полной душевной гармонии, как бы подтверждая свои слова, сказанные незадолго до женитьбы в 1843 году: “Я человек не от мира сего. И потому вполне убедился, что для меня не может быть никакого счастья и что в самом счастье для меня было бы одно несчастье”.

Самоотверженность в служении своему делу, следовании своему призванию — одна из самых отличительных черт и Белинского, и Гоголя. Закономерно, что это не способствовало их материальному благополучию. Белинский прекрасно понимал, что он вполне мог бы жить безбедно, если бы поставил себе цель извлекать из своего таланта выгоду: “Моя забота — что-нибудь делать, быть полезным членом общества. А я делаю, что могу. Я много принес жертв этой потребности делать. Для нее я хожу в рубище, терплю нужду, тогда как всегда в моей возможности иметь десять тысяч годового дохода с моей деревни — неумолимого пера”. Белинский никогда не шел по пути получения “дохода”. Писать не то, что думаешь, а то, что выгодно, изменяя себе и кривя душой, — это для него было исключено, как бы ни складывались обстоятельства его жизни, и порой это ставило его просто на грань нищеты.

Таким же бескомпромиссным отношением к своему долгу художника отличался и Гоголь. Всю его писательскую жизнь сопровождали многочисленные “соблазны”. Издатели советовали ему продолжать выпускать все новые и новые малороссийские повести в духе “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, видя успех этой книги. Гоголь от этого отказался. После выхода “Мертвых душ” Гоголю предлагали выпустить эту книгу с иллюстрациями, но он отверг и это предложение. Отрицательно он отнесся и к попыткам ставить “Мертвые души” на сцене. Все эти выгодные возможности могли бы улучшить материальное положение Гоголя, который зачастую испытывал нужду. Однако ни на какие компромиссы он не шел. Не соглашался он и печатать недостаточно совершенные, по его мнению, произведения. Например, так ожидавшийся всей читающей публикой второй том “Мертвых душ” он сжег в 1845 году, затем написал новый вариант и сжег его в 1852 году. Еще в молодости Гоголь четко определил свою позицию: “Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: “Где же то дело, по которому

можно было бы судить о тебе?” И чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на всё, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, непреодолимое уединение, которое отныне я ношу с собою везде”.

Несомненно, общей чертой Белинского и Гоголя была способность к стремительному развитию и к существенным переменам в творческой жизни: у Белинского – в идейной сфере, у Гоголя – в художественной. Им обоим был отведен судьбой довольно краткий период активной творческой жизни, сопровождавшейся публикацией их сочинений в печати: Белинскому – около 15 лет (с первой значительной работы “Литературные мечтания” до последней – “Русская литература в 1847 году”), Гоголю – немногим более 15 лет (с “Вечеров на хуторе близ Диканьки” до “Выбранных мест”, опубликованных в начале 1847 года). И за такое короткое время и тем, и другим был пройден огромный путь. И тот, и другой каждый в своей сфере стали властителями дум своего поколения, да во многом и будущих поколений. Причем в обоих случаях развитие было настолько стремительным, что порой не только публика, но и близкое окружение и того, и другого автора поражалось совершающимся переменам. Белинский в своем идейном развитии нередко отказывался, отталкивался от вчерашних идей как от пройденных этапов, чтобы тем более полно и страстно увлечься новой идеей.

Таким в определенной степени был и творческий путь Гоголя. Он также нередко охладевал к своим старым произведениям, работая над новыми. Для него это тоже были пройденные этапы, и, отталкиваясь от них, он полностью предавался новым замыслам. Это проявилось с самого начала его творческого пути. Гоголь “Вечеров” – совсем другой, чем в поэме “Ганц Кюхельгартен”. Но несмотря на яркий успех повестей из малороссийской жизни, он отказывается дальше писать в том же духе. И вскоре Гоголь опять уже другой: не “сказочник”, а реалист – в повестях сборников “Арабески” и “Миргород” и в пьесе “Ревизор”. А через несколько лет после публикации “Мертвых душ” Гоголь предстал снова другим – в книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. При этом Гоголь как бы “отодвинул” на второй план свою роль художника и даже оттолкнулся от нее, чтобы всецело посвятить себя другому своему призванию – христианина, духовного учителя, для которого главное – не сочинительство, а проповедь. Спустя немного времени, столкнувшись с жесткой критикой этой книги, Гоголь снова сделал резкий поворот, отказавшись от роли проповедника, во всяком случае – в таком прямолинейном варианте, как в “Выбранных местах”, и вернулся к работе над вторым томом “Мертвых душ”.

Таким образом, творческая биография Гоголя была не менее изменчивой и щедрой на крутые повороты, чем идейный путь Белинского. В этом есть глубокое сходство, созвучие их личностей, их талантов. Оба они, ускоренно развиваясь, стремились увидеть и осмыслить жизнь с разных сторон, с разных точек зрения, как будто следуя совету самого же Гоголя “обращать на все стороны предмет и открывать возможности всякого дела”. При этом на каждом этапе как Белинскому, так и Гоголю необходимо было оттолкнуться от прошлого периода, как бы покончить с ним, чтобы полнее предаться новому этапу развития. Оба они обращали особое внимание на способность человека к развитию, к внутренней жизни, к духовному пути. Белинский подчеркивал: “Я больше всего ценю в людях эластичность души, способность ее к движению вперед. Вот беда, когда эта божественная способность утрачена”. Гоголь очень дорожил своей способностью идти по жизни духовным путем, не увлекаясь внешними явлениями и видя “сквозь всё одну пристань и берег – Бога”, и, таким образом, идти к истине: “В конце дороги этой Бог; а Бог есть весь истина”.

При способности к стремительному внутреннему развитию и у Гоголя и у Белинского были неизменные всю жизнь ценности, обусловившие постоянное направление этого развития. Такое главное направление создавало в том и другом случае неколебимую основу, на которой происходили более поверхностные изменения, не затрагивающие глубинного уровня. Такой неколебимой основой у Гоголя была христианская вера, а у Белинского – неизменная всю жизнь, всепоглощающая любовь к человеку, уважение к личности. Все идейные перемены, произошедшие с Белинским, нисколько не затронули этой его главной мысли, главной идеи – о счастье человека, о таком устройстве общества, которое способствовало бы, а не препятствовало

счастью личности в нем. В сущности, это было истовое следование одной из основных христианских заповедей — любви к ближнему.

Будучи сами в высшей степени способными к внутреннему, духовному развитию, они оба высоко ценили это качество в других. Более того, они вели порой весьма долгие и подробные эпистолярные беседы с близкими людьми, стремясь помочь им в таком развитии. Особенно много у Гоголя таких писем, которые порой превращались в христианскую проповедь. Нередко и у Белинского встречаются послания поучительного свойства, как правило, не связанные с религиозными мотивами. Но иногда его поучения имеют и религиозную основу, в них встречаются упоминания о Христе, Евангелии. И Белинский, и Гоголь могли высказывать жесткие нелицеприятные упреки в письмах близким людям, чтобы обратить их внимание на их недостатки, слабости, пороки и способствовать их духовному росту.

Еще одно примечательное сходство в личностных свойствах Белинского и Гоголя — своего рода фатализм, признание господствующей воли свыше над своей судьбой и вообще участью человека на земле. Для Белинского это фатум: “В жизни человека есть фатум, и простые люди справедливы, боясь суеверно идти против судьбы”. Для Гоголя — воля Бога: “Богу угодно — и я сей же час мертв в своей комнате, не пускаясь ни в какую опасную дорогу, Богу угодно — и я невредим среди всех ужасов”.

Стоическое отношение к жизни со всеми ее каверзами и препятствиями и готовность всё преодолеть ради чего-то большего, ради высшей цели — эта общая и немаловажная черта характеров Гоголя и Белинского проявилась еще в самом начале творческого пути каждого. Для 20-летнего Гоголя большим потрясением стала неудача “Ганца Кюхельгартена”, а для 20-летнего Белинского — история с его драмой “Дмитрий Калинин”. За это произведение, антикрепостническое по духу, университетское начальство пригрозило отправить его в Сибирь и потом искало повод исключить его из университета, что в конце концов и произошло. Интересно, что в ответ на удары судьбы у них возникает одна и та же реакция. Одни и те же чувства и мысли высказывают они (почти одними и теми же словами), пережив период неудач и испытаний. В письме 22-летнего Белинского звучит не только стоическая твердость, но и философская умудренность: “Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы — чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастий, несколько ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалуясь на мои несчастия, но еще радуюсь им: собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня”. В том же духе (и почти теми же словами) написано и письмо Гоголя, тоже почти 22-летнего: “Как благодарю я вышнюю десницу за те неприятности и неудачи, которые довелось испытать мне. Ни на какие драгоценности в мире не променял бы их. (...) Зато какая теперь тишина в моем сердце! Какая неуклонная твердость и мужество в душе моей!”. Удивительны эти моменты психологического схождения, внутреннего созвучия людей, знакомых при жизни совсем не близко, а уж в конце их жизни вообще оказавшихся как бы “по разные стороны баррикад”.

А вот другой пример такого внутреннего созвучия, хотя и противоположный по настроению. В тяжелый, может быть, самый тяжелый период своей судьбы, и творческой, и человеческой, — после громкого провала книги “Выбренные места из переписки с друзьями”, Гоголь писал Белинскому в 1847 году (в ответ на его гневное “зальцбрунское” послание): “Душа моя изнемогла, все во мне потрясено, могу сказать, что не осталось чувствительных струн, которым не был бы нанесено поражения еще прежде, чем получил я ваше письмо”. За девять лет до того Белинский почти точно такими же словами выразил в письме другу Н. В. Станкевичу свою душевную боль, связанную с переходным, кризисным моментом своей жизни: “Я (...) во всё это время находился в ужасных внутренних переделках, в мучительных процессах выхода из детства в мужество, со всеми переругался, был истерзан, исколеван так, что на душе моей не осталось ни одной целой струны, ни одного здорового места”.

Приведенные цитаты показывают важное сочетание свойств, общее для Гоголя и Белинского, — сочетание тонкой душевной организации, способности к утонченному чувству и в то же время незаурядной силы характера, без которой не могли бы состояться их творческие судьбы.

Как Белинский, так и Гоголь были не только литераторами, но и философами, то есть стремились осмыслить действительность и постичь смысл всего происходящего (не только в произведениях, но и в письмах). Это придавало особую глубину и масштабность литературно-критическому творчеству Белинского и духовному творчеству Гоголя. При этом Белинский зачастую основывался или отталкивался от научно-философских идей, но в истоках его мировоззрения всё же было христианство. У Гоголя же его взгляд на мир имел прочное и однородное религиозное основание. Разность их путей не мешает глубинному созвучию в их философских размышлениях о смысле жизни человека. Вот пример из их писем позднего периода, когда, казалось бы, их идейные позиции были далеки друг от друга. В 1847 году Белинский писал: «Совершенство есть идея абстрактного трансцендентализма, и потому оно – подлейшая вещь в мире. Человек смертен, подвержен болезни, голоду, должен отстаивать с бою жизнь свою – это его несовершенство, но им-то и велик он, им-то и мила и дорога ему жизнь его. Застрахуй его от смерти, болезни, случая, горя – и он – турецкий паша, скучающий в ленивом блаженстве, хуже – он превратится в скота». «Довольство во всем нам вредит. Мы сейчас станем думать о всяких удовольствиях и веселостях, задремлем, забудем, что есть на земле страданья, несчастия. Заплывет телом душа – и Бог будет позабыт. Человек так способен оскотиниться, что даже страшно желать ему быть в безнуждии и довольствии. Лучше желать ему спасти свою душу. Это всего главней», – писал Гоголь в 1849 году.

Белинский и Гоголь – натуры, безусловно, цельные в своем творческом развитии и целеустремленные. Но они в то же время были натурами сложными и в чем-то двойственными. Известно гоголевское: «Видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы». И в жизни Белинского была своя двойственность: «Моя жизнь сама апатия, зевота, лень, стоячее болото, но на дне этого болота пылает огненное море» (из письма В. П. Боткину 1841 года). Известно, что Гоголь был человеком скрытным, не стремящимся открывать свои эмоции. Однако и Белинский, при всей «неистовости» его натуры, имел подобно Гоголю свое «второе дно». Он мог со стороны казаться порой и стеснительным, и неловким, диковатым и даже, как сам он признался, мог быть подвержен апатии, а под этим видимым слоем горел «огонь», который только порой вырывался наружу по каким-то важным поводам и, конечно, в его «огненном» слове в его статьях.

Возможно, эта двойственность, свойственная и тому, и другому, нашла выражение в том, что было у них нечто сходное в общем взгляде на жизнь, восприятии жизни. В этом взгляде (как видно из художественных текстов Гоголя и из статей и писем Белинского) – как будто постоянно подстерегающее сомнение, что выражается то в юморе, то в сарказме. Не то чтобы тексты Гоголя и Белинского сплошь состояли из острот, но юмористический, иронический, саркастический взгляд на какой-либо предмет легко возникал в любой момент, как будто всегда был наготове. Гоголь замечал в «Невском проспекте»: «Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется!». Эта мысль встречается и в его письмах: «Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле». Эта цитата могла бы быть эпиграфом ко многим произведениям Гоголя, показывающим действительность с другой стороны – не с той, с которой она представляется на первый взгляд. Таким же был и пафос творчества Белинского – открыть, показать публике настоящую искусство, созданное на основе художественного образа, истинную поэзию, выражающую дух народа, дух эпохи, и в то же время выявить ложное, наносное – фальшивую, пустую красоту, не связанную с художественным содержанием, и напускную народность, выражающуюся лишь в каких-либо внешних приметах, отделить риторические сочинения от истинно художественных созданий, сотворенных по вдохновению свыше. Такое впечатление, что и Белинским постоянно владело ощущение (осознанное или неосознанное), что «всё не то, чем кажется». Возможно, потому таким стремительным было его идейное развитие, что постоянные сомнения и поиск истины были для него столь естественными. И это всегда двигало его к новым этапам развития.

О некой общности, родственности взглядов на жизнь Белинского и Гоголя красноречиво говорит множество гоголевских цитат, рассыпанных повсеместно в переписке Белинского. По замечанию П. В. Анненкова, Белинский «пропитался» Гоголем настолько, что «беспрестанно цитировал разные лако-

нически-юмористические фразы, столь обильные в его творениях”. Характерные гоголевские слова, образы органически вплетаются в ткань писем Белинского, становясь естественным продолжением и как бы украшением рассуждений Белинского на самые разнообразные темы.

“Созвучие” душ двух классиков в сфере “высоких материй”, в области внутренней жизни логично продолжалось и в некоторых внешних, бытовых аспектах, хотя и служивших, наверно, отражением свойств глубоких и существенных. В обыденной жизни оба они отнюдь не были “светскими” людьми с безупречными манерами. Об их странном поведении в некоторых ситуациях, об их неловкости в светском общении мемуаристами написано много. Оба несколько стеснялись некрасивости своего лица. Их внешность и манеры порой окружающим казались странными, если не комичными. Людей малознакомых, видевших Гоголя или Белинского впервые, мог поражать контраст: могучие таланты, оказывавшие своими произведениями огромное влияние на современников, они в жизни вовсе не были людьми богатырских сил, не имели солидного, важного вида, а наоборот, удивляли иногда нелепостью своего поведения.

И. С. Тургенев, учившийся в Петербургском университете, когда там преподавал Гоголь, вспоминал: “Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две; во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор “Вечеров на хуторе близ Диканьки””.

Подобное же диковинное впечатление производил и Белинский на малознакомых людей: “Кто видел его только на улице, когда в теплом картузе, старой енотовой шубенке и стоптанных калошах он торопливо и неровной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг, — тот не мог составить себе верного о нем понятия. (...) Между чужими людьми, на улице, Белинский легко робел и терялся” (по воспоминаниям И. С. Тургенева).

Пристрастие Гоголя к щегольской одежде иногда делало его облик нелепым: некоторые вещи в его одеянии выделялись яркой модной расцветкой, например, жилеты, а другие — были, наоборот, старыми и поношенными. Как-то, не имея фрака, он загнул углы сюртука и в таком виде пошел на светский прием, куда необходимо было приходиться только во фраках. Будучи в гостях у П. Я. Чаадаева, Гоголь удалился от общества в дальний уголок и весь вечер дремал на диване.

Для Белинского посещение великосветских салонов также не было органичной частью его жизни. “Он являлся иногда на литературно-дипломатические вечера князя Одоевского, — писал А. И. Герцен. — Белинский был совершенно потерян на этих вечерах между каким-нибудь саксонским посланником, не понимавшим ни слова по-русски, и каким-нибудь чиновником III Отделения, понимавшим даже те слова, которые умалчивались. Он обыкновенно занемогал потом на два, на три дня и проклинал того, кто уговорил его ехать”.

Однако и Белинский, и Гоголь в моменты вдохновения могли своим красноречием завораживать слушателей. Такой, например, была одна из лекций Гоголя в Петербургском университете, которую пришли послушать Пушкин и Жуковский. Незабываемое впечатление производило артистичное, мастерское чтение Гоголем своих произведений. Пламенным оратором становился Белинский, когда дело касалось его убеждений, отстаивания истины. “В этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура, — писал А. И. Герцен, — да, это был сильный боец! (...) Когда касались до его дорогих убеждений, (...) он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким, и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль”.

Характерная черта и Белинского, и Гоголя — резкий контраст между их общением с близкими и посторонними людьми. Оба они могли быть очень душевными и просто осчастливливать своим общением людей в близком кругу —



в непринужденной обстановке, но в присутствии посторонних лиц сразу замыкались, уходили в себя. “Вообще Белинский не терпел разнородного, малознакомого и большого общества, – вспоминал И. И. Панаев. – Он даже, бывало, при появлении в нашем обычном кружке какого-нибудь незнакомого лица изменялся мгновенно, впадал в дурное расположение духа и переставал говорить”.

Точно такую же особенность поведения подмечали и у Гоголя его современники. Характерный случай описан М. А. Щепкиным, внуком великого актера М. С. Щепкина, у которого нередко гостил Гоголь: “Когда сошлись все к вечернему чаю, Гоголь вошел с М. С. в столовую под руку, о чем-то тихо разговаривая. (...) Подойдя к столу, Гоголь быстро окинул всех взглядом и, заметя новое лицо, нервно взял чашку с чаем и сел в дальний угол столовой и весь как будто съежился. Лицо его приняло угрюмое и злое выражение, и во все время чаепития присидел он молча, а за ужином объявил, что рано утром на другой день ему надо ехать в Москву по делам. Так и не состоялось чтение его новых произведений, о чем сердечно горевал Михаил Семенович и все остальные члены семьи”.

Однако и Гоголь, и Белинский, прекрасно осознавая свою некоторую неловкость во внешней, бытовой жизни и, по-видимому, страдая от этого, всё же никогда не придавали этой внешней сфере важного значения. Ведь их видимая неловкость происходила от избытка внутренней жизни, внутреннего содержания, поэтому им порой явно тесны были жесткие рамки “светских приличий”, и вообще сфера этого поверхностного “блеска”, внешнего преуспевания была им чужда. Поэтому оба они и не стремились достичь успеха в чуждой им области. Например, будучи непрактичными и сознавая это, они и не стремились к материальному благополучию, видя, что это противоречит их принципам, их главному предназначению в жизни, и что это потребовало бы не приемлемых для них компромиссов.

Словом, будучи, что называется, “не от мира сего”, они оба смиренно несли свой крест – крест бедности, бытовой неустроенности, при том что оба они были прославленными литераторами, имеющими огромное влияние на читающую Россию. Гоголь писал в неотправленном письме Белинскому: “Есть прелесть в бедности. (...) У меня нет даже угла, и я стараюсь только о том, как бы еще облегчить мой небольшой походный чемодан, чтоб легче было расставаться с [миром]”. Впрочем, эти слова о бедности адресовались к столь же бедному человеку. Также как Гоголь, Белинский был и беден, и непрактичен: уже будучи широко известным литератором, никогда не умел выгодно договариваться с хозяевами журналов, с которыми он сотрудничал. За огромную работу, которая истощала его физические и душевные силы, он получал весьма скромное вознаграждение. “Всякий дрянной фельетонист, с некоторым практическим тактом, был гораздо обеспеченнее Белинского, живя только одним своим ремеслом, – замечал И. И. Панаев. – Когда речь заходила о плате за труд, он приходил в крайнее смущение, весь вспыхивал и сейчас же соглашался на всякие предложения, самые невыгодные для себя”. Жизнь Белинского закончилась буквально в нищете. После смерти Гоголя у него из имущества оказались в основном только книги и старые вещи из одежды.

Еще одна общая особенность их личностей и судеб. Оба они, при их интенсивной духовной и творческой жизни, как бы “сгорали” каждый от своего внутреннего огня. “Ничего не было для него важнее и выше дела, за которое он стоял, мысли, которую он защищал и проводил; (...) тут он всем готов был жертвовать”, – писал о Белинском И. С. Тургенев. “В нем клопочут самые животрепещущие общечеловеческие вопросы. Он преждевременно истлеет от внутреннего огня, который постоянно должен тушить в себе”, – говорил о “неистовом Виссарионе” М. А. Бакунин. Характеризуя личность и судьбу Белинского, В. Г. Короленко отмечал как главную особенность “пламенное сгорание нервов среди окружающей тьмы, которого и одного достаточно для объяснения, “почему он так скоро сгорел”.

В Гоголе то же самое свойство внутреннего горения с виду не так бросалось в глаза, а больше таилось внутри. Но сущность их натур, их жизни была одна – невозможно было просто существовать, не совершая постоянно творческого подвига. Поэтому их ранний уход, их быстрое сгорание стало хоть и трагическим, но логическим следствием этого свойства. Характерно при-

знание Гоголя, говорящее о внутреннем творческом огне как одновременно о созидательной и разрушающей силе. Ф. В. Чижов вспоминал о своей встрече с ним в 1849 году: “Видно было, что он страдал. (...) “У меня все расстроено внутри, — сказал он. — Я, например, вижу, что кто-нибудь спотыкнулся; тотчас же воображение за это ухватится, начнет развиваться — и все в самых страшных призраках. Они до того меня мучат, что не дают мне спать и совершенно истощают мои силы”. Гоголь, как и Белинский, был сжигаем внутренним огнем, хотя и таившимся глубоко внутри и, как правило, скрытым от окружающих. Только его ранняя, загадочная, казавшаяся беспричинной смерть стала совершенно явным (и неожиданным для многих) свидетельством его полного сгорания от собственного внутреннего пламени. Да еще его странные слова о своей старости: “Или, в самом деле, 42 года есть для меня старость?..”; “Впрочем, и то сказать: надобно знать честь. Мы с тобой, слава Богу, перешли сорок лет...”; “Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты?” (из писем 1849–1850 годов).

В конце своей недолгой жизни (почти 37-летней — у Белинского, почти 43-летней — у Гоголя) каждый из них чувствовал себя уже чуть ли не стариком, во всяком случае слишком рано состарившимся. Белинский, хотя даже не достиг 40-летнего рубежа, но тоже успел ощутить “старость” — ослабление физических сил при бешуемом по-прежнему внутреннем огне. “Я едва узнал Белинского. В длинном сюртуке, в картузе с прямыми козырьком и с толстой палкой в руке — передо мной стоял старик”, — вспоминал П. В. Анненков о своей встрече с Белинским, приехавшим на лечение за границу летом 1847 года.

И чисто внешние, “бытовые” моменты в облике Белинского и Гоголя, и более глубокие черты сходства их судеб свидетельствуют о самом существенном в личности того и другого. Их неприкаянность во внешней жизни, их незащищенность перед собственным “внутренним огнем” — это оборотная сторона их погруженности в свое призвание, масштабности и неповторимой оригинальности их личностей, силы их талантов.

И Гоголь, и Белинский оба имели огромное влияние на современников. И это один из основных аспектов сходства их творческих личностей и биографий. Наверное, никакой другой писатель в России не имел такого влияния на современную ему публику именно как художник — то есть самим художественным миром своих творений, их стилем, языком, образным строем. И уж точно никакой критик в истории России не владел умами читателей в такой степени, как Белинский. Об этом свидетельствовали многие современники. Вот как вспоминал атмосферу 30–40-х годов XIX века. В. В. Стасов: “Тогдашний восторг от Гоголя — ни с чем несравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще неизвестный никому юмор — всё это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительной бойкостью и близостью к натуре. (...) Белинский же был — решительно нашим настоящим воспитателем. Никакие классы, курсы, писания сочинений, экзамены и все прочее не сделали столько для нашего образования и развития, как один Белинский, со своими ежемесячными статьями. Мы в этом не различались от остальной России того времени. Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил рукою силача патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники”. И. А. Гончаров сравнивал роль Белинского в литературе с тем, что было сделано Гоголем: “Ему, как какому-то апостолу отрицания, пришлось разыграть в сфере критики и публицистики то же самое, что, другими способами и приемами, разыграл в искусстве Гоголь”.

Их роли в истории русской литературы похожи, и в личностях их много общего, а “Выбранные места” и “зальцбруннское” письмо Белинского стали, наверное, главными документами своего времени, выразившими в максимальной степени боль и надежду современного им общества. Не случайно в истории русской литературы их имена (каковы бы ни были перипетии их взаимоотношений) объединены в чем-то более важном, чем разделившие их

разногласия, как в стихах Н. А. Некрасова: “Эх! эх! придет ли времечко (...) // Когда мужик не Блюхера // И не милорда глупого — // Белинско-го и Гоголя // С базара понесет?”.

Рассмотрев моменты сходства, говорящие о глубоком внутреннем созвучии, родстве этих двух натур, следует отметить в них и черты противоположные. Например, Белинский был по преимуществу человеком открытым в общении, во всяком случае, в кругу своих друзей и близких знакомых. “Верьте моей искренности: я не умею притворяться”, “Я не умею говорить вполголоса, не умею хитрить: это не в моей натуре”, “Я всегда и весь наружу — такова моя натура”, — замечал он в письмах. Он предпочитал прямо, откровенно высказывать свое мнение, не боясь противоречий, конфликтов. Такая прямота помогала ему сохранять дружеские отношения с людьми, разными по взглядам и характерам. Он не замалчивал противоречия, не загонял конфликты вглубь, не таил обиды. Выяснению отношений он посвящал порой длинные письма. Многие друзья не обижались и не сердились на его прямоту, и нередко это спасало их отношения от разрыва.

Гоголь же столь открытым человеком в общении не был, даже с близкими людьми. Например, он считал, что не нужно обнаруживать своего настроения ни перед кем. Идя в общество, не нужно “тащить за собой свою тоску”, а нужно “стараться хоть насколько быть безмятежным, как дети”. Гоголя скорее даже можно назвать скрытным человеком. Он не любил рассказывать не только о своих чувствах и настроениях, но и о своих планах и намерениях, полагая, что другим людям не нужно знать все подробности его жизни. Еще в юности Гоголь признавался: “Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубину души моей”. В дальнейшем скрытность и таинственность Николая Васильевича стали уже легендарными.

Что касается конфликтов, споров, то хотя они и случались в жизни Гоголя, но ему все-таки было свойственно скорее избегать их, чем открыто разрешать. Скорее, его любимой мыслью было примирение. Гоголь даже считал, что в России должен быть человек, примиряющий всех — людей разных взглядов, убеждений, слоев общества. Более того, он хотел бы сам быть таким человеком, о чем написал в “Авторской исповеди”. Он также считал, что разногласия, недоразумения между людьми закономерны, потому что у каждого своя дорога в соответствии со своими способностями и наклонностями, поэтому разные люди видят разные пути к общественному благу: “Мы все идем к тому же, но у всех нас разные дороги, а потому, пока еще не пришли, мы не можем быть совершенно понятными друг другу. (...) У всякого лежит какая-нибудь правда”.

С этими размышлениями Гоголя перекликаются мысли Белинского: “Полная и совершенная истина не есть удел человека (исключение остается за одним, но то не человек, а Богочеловек)”. Впрочем, и у Белинского было понимание некоторой суеветности и бесполезности споров, потому что и он при всей своей “неистовости” тоже считал, что споры не нужны, во всяком случае, журнальные: “Все споры смешны. Возразите на чужое мнение, да и замолчите”; “Я положил себе за правило — никогда и ни с кем не спорить о моих статьях, защищая их”. Но, по-видимому, это относилось к тем, чьи позиции были от него безнадежно далеки. О спорах же с друзьями он писал как о чем-то важном и полезном: “Тяжело быть среди людей, которые или во всем соглашались с тобою, или если противоречат, то не доказательством, а чувствами и инстинктом, — и отрадно встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры”.

Что же касается роли примирителя, то по поводу одного литератора, имевшего бесконфликтный характер, Белинский заметил: “Он примиритель. (...) Ему хотелось бы всех нас свести и помирить. Он не понимает антипатии убеждений и натур. Поэтому роль его жалка: обе крайние стороны смотрят на него, как на половину своего, а в сущности ничьего”. Но при этом Белинский имел в виду прежде всего роль этого человека как сотрудника журнала. Что же касается человеческих отношений, то к Белинскому как раз тянулись многие люди, даже те, кто между собой конфликтовал, и, значит, на деле он сам своей личностью их как бы “примирял” друг с другом. “Я, в этом отношении, в сорочке родился: многие люди различно, а иногда и противоположно, враждебно даже, относящиеся друг к другу, ко мне отно-

сятся почти одинаково, — писал Белинский. — Может быть, тут не одно счастье, а есть немножко и заслуги с моей стороны; а эта заслуга, по моему мнению, заключается в моей открытости и прямоте”.

Белинский не боялся конфликтов: “Я рожден, чтобы называть вещи их настоящими именами; “я в мире боец...”. И за то меня искренно любят человек десять и ненавидят сотни людей”. Гоголь, наоборот, избегал конфликтов. Однако это не означает, что жизнь его складывалась ровно и гладко и его окружало лишь восхищение поклонников. Не было и у него такой идиллии: как и Белинского, его многие любили, но были и те, кто ненавидел. Уезжая надолго за границу после постановки “Ревизора” в 1836 году, Гоголь писал: “Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него”; “Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мною в колыбели, наконец не вынесла. О, какое презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их!”. Вскоре, приступая к созданию “Мертвых душ”, он отметил: “Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками”.

Самое существенное различие в натурах Белинского и Гоголя — это, наверное, отношение к религии, вере, церкви. Это различие со временем только возрастало, во многом тайно, потому что духовный путь Гоголя долгое время проходил скрыто от общества, хорошо знавшего и любившего его как художника. Гоголя-христианина, искренне верующего и даже стремящегося осуществлять христианскую проповедь, знало только его близкое окружение. Когда эта тайная (для многих) сторона его жизни стала явной для всех после выхода “Выбранных мест”, оказалось, что расхождение между Гоголем и Белинским в этой области разрослось до катастрофических (для их взаимоотношений) размеров и превратилось в тот момент буквально в пропасть. Это, конечно, больно ранило Белинского, столь любившего Гоголя и ценившего его доброе отношение к себе. Возможно, непосредственное ощущение Белинским этой пропасти подспудно, подсознательно выразилось в известных словах из его гневного письма к Гоголю: “Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною...”. Как представляется, не только возмущение идеями Гоголя вызвало этот гневный отклик, но и эмоциональное впечатление от действительно разверзшейся между ними пропасти непонимания. Тем более что говорить о “бездне” в том смысле, какой имел в виду Белинский, наверное, не приходится. То, что Белинскому, скептически относившемуся к возможностям религии повлиять на общество, могло показаться “падением” Гоголя, было просто очередным шагом на пути Гоголя-христианина, по существу, представлявшим собой проповедь. Таким образом, самое большое несходство в натурах Белинского и Гоголя привело к самому, наверное, “громкому” конфликту в истории русской литературы.

Почему люди, имевшие так много общего в своих качествах человеческих и творческих, оказались так далеки друг от друга в отношении к религии (Гоголь был уверен, что она способна преобразить общество, Белинский отрицал это)? Конечно, исчерпывающего ответа на этот вопрос быть не может — не всё объясняется внешними обстоятельствами. Но многое становится ясно, если сравнить условия, в которых формировалась личность того и другого в самом начале жизни.

Гоголя с детства в семье окружали искренне верующие люди. Они не просто ходили в церковь, молились и крестились, совершали паломничества в монастыри, но, что самое замечательное, сумели и в жизнь воплотить евангельскую заповедь о любви к ближнему. Родители Гоголя сумели создать в семье атмосферу любви. Это проявлялось не только по отношению к детям. В доме всегда гостили какие-нибудь бедные родственники и знакомые, которым давали приют. Одна из сестер Николая Васильевича по его совету лечила крестьян. Религиозность в родительском доме Гоголя была совсем не формальной, она проникала в повседневную жизнь, что во многом сформировало и его личность, его взгляд на мир. Он наглядно увидел на примере своего близкого окружения, что можно не только на словах декларировать христианские заповеди, но и воплощать их в жизнь, во всяком случае, искренне стараться идти по этому пути. И во многом под влиянием этих детских впечатлений его собствен-

ная вера тоже была не абстрактной, не оторванной от жизни, а деятельной. Поэтому он и писал так убежденно в “Выбранных местах” о том, что надо “призвать Христа к себе в дома”, что каждому на своем месте нужно руководствоваться Христовым законом и именно таким путем преобразовывать жизнь. Он был убежден, что такой путь не только *должен* быть (как самый лучший: прямой и действенный), но и *может* быть в действительности.

Совершенно другие впечатления в начале жизни повлияли на Белинского. Хотя его родители тоже были люди православные и, с формальной точки зрения, делали то, что должно, — ходили в церковь, совершали обряды. Но, будучи знакомыми с законом Христа теоретически, они не следовали ему практически в своей жизни. И мать, и отец Белинского обладали тяжелым характером, поэтому конфликты в семье были обычным делом, что подтачивало их собственное здоровье и заставляло страдать их детей, особенно старшего сына Виссариона, которому от природы, при всей его вспыльчивости и “неистовости”, были свойственны тонкость и деликатность. Грубость отца и прохладное отношение матери, по-видимому, стали одним из самых тяжелых воспоминаний его детства. При этом родители его, наверное, были в глубине души добрые люди. Но их вспыльчивый, неуживчивый характер и нежелание укротить свои бурные страсти — всё это сделало их семейную жизнь мучительной.

Это, конечно, не единственное обстоятельство в жизни Белинского, основательно повлиявшее на его мировоззрение, но, возможно, самое яркое из тех, которые заставляли его задуматься о несправедливости и пороках людей, сосуществующих в них одновременно с религиозностью. Закономерным следствием этого стало его скептическое отношение к тому, что религия и церковь могут усовершенствовать жизнь и сделать ее более справедливой: он, в отличие от Гоголя, не увидел наглядного, живого воплощения этой идеи. Впрочем, такое скептическое отношение к религии, к церкви не было редкостью в то время: церковь, бывшая своего рода государственным учреждением, в условиях отсутствия свободы совести вызывала критическое отношение далеко не только у Белинского. Однако, критически относясь к церкви и ее роли в обществе, Белинский серьезно и почтительно относился к самой по себе религии и ее значению для духовного развития человека. Для Гоголя же вера, религия, церковь — вещи нераздельные. Он вовсе не идеализировал духовенство, но это не препятствовало благоговейному отношению Гоголя к церкви в целом.

Таким образом, путь к бездне, по краям которой они оказались в последние годы жизни, начался в самом начале их биографий. Однако, говоря об этих существенных расхождениях в их мировоззрении, следует учитывать, что не сами по себе они в данном случае важны и не сами по себе они высказывались в их “споре” — “Выбранных местах” и “зальцбруннском” письме. Это не просто их мысли, их кредо. Это проповедуемый каждым из них путь к преобразованию российской действительности, которая каждому из них представлялась весьма несовершенной, у каждого из них вызывала тревогу и боль. И в этом их взгляды и чувства совпадали.

Выдвигая различные, но не противоположные идеи (Гоголь — духовно-нравственного совершенствования человека и на этой основе общества в целом, Белинский — демократических реформ), они предлагали, по существу, разные пути к одной и той же цели. При этом каждый из них был всецело увлечен своей идеей, что вполне понятно. Они выразили главные идеи, которыми должны руководствоваться все, кто стремится, как и они в свое время стремились, изменить отечественную реальность к лучшему. Сочетание и того, о чем писал Белинский, и того, о чем писал Гоголь, — внешних реформ и внутреннего совершенствования человека и общества — это единственно действенный, благодетельный путь. Помня об исторических событиях, произошедших со времен Гоголя и Белинского, уже невозможно не видеть этого, не понимать насущной необходимости сочетания этих разных, но вовсе не противоположных путей — идущих не в разные стороны, а параллельно к одной цели. И если смотреть из сегодняшнего дня на идеи Гоголя и Белинского, учитывая накопленный с тех пор исторический опыт, то и существовавшая тогда между ними пропасть исчезает. Они уже представляются очень схожими в самом важном качестве: и те, и другие для нас ценны, и те, и другие желательны усвоить, как урок, для собственной же пользы, для движения вперед.

В этом споре проявилось как различие, так и сходство между Белинским и Гоголем – в человеческом и творческом плане. Оба они (Гоголь в “Выбранных местах”, Белинский в “зальцбруннском” письме) выступили со страстной проповедью гуманизма: Гоголь – с христианских позиций, Белинский – с просветительских. Чего тут больше – сходства или различия? И со стороны Гоголя, и со стороны Белинского это был подвиг. На автора “Выбранных мест” ополчилась почти вся читающая публика (а вовсе не только Белинский). Люди разных взглядов и убеждений дружно осуждали его, высмеивали, упрекали, называли сумасшедшим. Попал он в немилость и у властей, так как в этой книге решил всех учить как жить, в том числе и царя. По его мнению, монарх “неминуемо должен, наконец, сделаться весь одна любовь. (...) Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое – быть образом того на земле, который сам есть любовь”. Кроме того, монарх должен обратить всех “как бы в собственное тело свое, возболев духом о всех” и передавать всю любовь подданных ее “законному источнику” – Богу. Даже после смерти Гоголя, даже в некрологе его имя запрещалось упоминать в печати. Как известно, И. С. Тургенев, нарушивший этот запрет и опубликовавший некролог Гоголю, был за это арестован и наказан ссылкой в свое имение Спасское-Лутовиново. Белинского, по-видимому, только смерть спасла от преследований. О том, какие последствия могло бы иметь “зальцбруннское” письмо для его автора, можно судить по тому, какая кара постигла петрашевцев, в том числе Достоевского, за чтение этого письма.

Таким образом, в “роковых” опусах Гоголя и Белинского – “Выбранных местах” и “зальцбруннском” письме гораздо больше общего, чем это может показаться на первый взгляд. Оба эти сочинения – оппозиционные, каждое по-своему. Раньше стереотипно считалось, что Белинский здесь выступал как революционер, а Гоголь – как реакционер. Формальный повод для подобных оценок был такой: главный пафос “зальцбруннского” письма – необходимость отмены крепостного права, а в “Выбранных местах” о каких-либо политических переменах речь вообще не идет. Однако высшая власть в России давно уже к тому времени искала путь к отмене крепостного права, и в годы создания письма Белинского и преследования петрашевцев за его чтение этот путь (по историческим меркам) уже подходил к концу, то есть к реформе 1861 года. Хороша же была революционность Белинского, если она совпадала с основным направлением развития России, которым следовала в тот момент высшая власть, то есть движением от крепостничества к его ликвидации! Так что революционным его письмо, по существу, назвать трудно. Оппозиционным – да, так как, не дожидаясь спущенных сверху реформ, он осмелился четко сказать, какова общественно-политическая ситуация в России и какие реформы ей необходимы.

“Выбранные места”, хотя никаких политических реформ не предлагали и поэтому, с формальной точки зрения, могли показаться реакционными, по существу, стали не менее оппозиционным сочинением, но оппозиционным не только и не столько к власти, сколько ко всему обществу. Не случайно эта книга была негативно воспринята почти всей публикой (за редким исключением), а не какими-то определенными “партиями” или сословиями. Это и неудивительно: всей России, всем соотечественникам Гоголь высказал упрек, что они живут далеко не по-христиански. Всем без исключения, в том числе и царю, он дал советы, как устроить жизнь по закону Христа (а по тону книги – скорее, поставил такую задачу). Этот подход, при ближайшем рассмотрении, реакционным назвать нельзя. Это призыв к развитию, к движению вперед. Но только основой для этого развития, по Гоголю, должны быть не политические реформы, а духовно-нравственное преобразование человека и общества. Но неизвестно еще, что сложнее. Может быть, предлагаемый Гоголем путь – как раз самый труднопреодолимый. Гоголь не только упрекнул всех в том, что не следуют на деле закону Христа, декларируемому на словах, но еще и задал всему российскому обществу такую задачу, которую оно, может быть, вообще выполнить не в силах, включая царя. Легче уж осуществить очередную реформу.

Так чьи идеи более оппозиционны, более кардинальны – Гоголя или Белинского? Определенно царю легче было отменить крепостное право, выполнив тем самым главную из обозначенных Белинским в “зальцбруннском”

письме задач, чем выполнить совет (наказ), высказанный Гоголем, и “сделаться весь одна любовь”.

Но в любом случае два связанные между собой факта русской литературы и общественной мысли – “Выбранные места из переписки с друзьями” и “зальцбруннское” письмо Белинского к Гоголю – это вещи, в сущности, настолько же сходные, сколько и различные, потому что обе в основе своей оппозиционные, обе представляющие собой проповедь, обе выражающие главные для развития России идеи – каждая свою. Таким образом, некоторые разрозненные сходные черты личностей, характеров дополнились сходством, в чем-то гораздо более важным, общественно значимым. Без преувеличения можно назвать оба эти произведения гражданским подвигом каждого из них и уроком для нас – их отдаленных потомков.

**От редакции:**

*Продолжение разговора о наследии Виссариона Григорьевича Белинского читайте в ближайших номерах.*